

0: КУЛЬТ НАЦИОНАЛЬНОГО ЭГОИЗМА

Грюнвальд — это для многих поляков лекарство против всё еще живого комплекса западного соседа, а кроме того — символ как былых военных успехов, так и начала золотого века, который на триста лет сделал польско-литовскую унию одним из региональных центров европейской цивилизации. Историческая локализация Грюнвальда полностью противоположна Тевтобургскому лесу. Если вождь херусков, предавая Рим, отверг вступление в тогдашний «Евросоюз», то два литовских брата, Ягайло и Витовт, были не только явными поборниками западного варианта, но и после Грюнвальда стали полноправными членами этого Запада. После принятия Литвой католичества их конфликт с государством крестоносцев был всего лишь конфликтом разных принципов внутри Запада, а не столкновением цивилизаций — западного христианства с язычниками, — как это представляла пропаганда Тевтонского ордена.

Свое чувство национальной гордости европейцы издавна строят на памяти о победоносных (или проигранных) битвах с соседями. Одновременно, однако, смысл и цель Евросоюза состоит в том, чтобы прервать многовековую вендетту, подчеркивая европейское единство ценностей и развивая сочувствие к соседям. Этот узел противоположностей: с одной стороны, гордость давней победой над «тевтонской заварухой», а с другой — осознание сегодняшней польско-немецкой общности в рамках ЕС, — мы и пытаемся распутывать к 600-летию Грюнвальда. Германия уже прошла через это. Осенью прошлого года там отмечали двухтысячелетие битвы в Тевтобургском лесу, где германцы остановили расширение Римской империи на Центральную Европу.

Сегодня размышления вокруг обеих этих годовщин могут — вопреки традиционным рефлексам — в большей степени объединять немцев и поляков, нежели делить их, хотя в XIX веке культ двух названных битв был школой двух полностью противоположных типов национального эгоизма.

У поляков, лишенных собственного государства, культ Грюнвальда был пьедесталом исторического самосознания. Он напоминал о временах военного блеска и позволял противопоставить бисмарковскому культуркампу и вильгельмовской германизации идею соседской унии поляков и литовцев, а также конфессиональной терпимости. В войне XV века с государством ордена крестоносцев наряду с католиками участвовали гуситы, православные и даже мусульмане. Памятники Ягайло, одновременно воздвигнутые в 1910 г. в Кракове и Нью-Йорке, были не только мёдом на польские раны, но еще и свидетельством воли Польши вернуться на европейскую сцену.

Однако удельный вес обоих национальных мифов в течение последних ста с лишним лет был совершенно разным. В Польше Грюнвальд оставался живым мифом на протяжении всего XX века, начиная с юбилея 1910 г. и далее в ходе II Мировой войны, а также в рамках датируемой 1960-ми пропаганды ПНР с Аденauerом в плаще крестоносца — и даже вплоть до предвыборной кампании братьев Качинских, начатой в 2005 г. на фоне картины Яна Матейко «Битва под Грюнвальдом».

Раз уж ЕС ссылается сегодня на каролингскую идею, то увековечить победу германцев в Тевтобургском лесу становится несколько затруднительно, ибо в ней явлен распад, а не объединение Европы. В конце концов катастрофический удар по империи нанес предатель, германец, воспитанный в Риме и наделенный там аристократическим званием, который во многих пограничных войнах командовал германскими вспомогательными отрядами. Этот Арминий склонил Вара двинуться к Эльбе, после чего внезапно атаковал легионеров на трудной местности. Идеологи немецкого национализма XIX века оправдывали эту измену точно так же, как Адам Мицкевич обосновывал вероломство Конрада Валленрода: с захватчиком допустимо бороться любыми методами. Да и кроме того, утверждали они, у римлян-то Арминий и научился «римскому лицемерию», ибо уже из «Песни о Нибелунгах» известно, что германцы не предают, они верны до гроба. Зигфрид, в германских преданиях победивший дракона, — это и есть вождь херусков, одержавший победу над римскими легионами, которые, словно гады ползучие, со покрытыми чешуей железными щитами продирались сквозь вестфальские леса...

Отдаленное зеркало

Не только немцы лепили национальные мифы из таких измышлений и полуправд. Барбара Такмен сравнивает популярные повествования о давних битвах с отдаленным зеркалом, в которое смотрится не столько прошлое,

сколько настоящее. Что же тогда могут говорить о наших временах юбилейные празднования обеих побед?

В Германии медиа-инсценировки поражения римлян и победы германцев демонстративно смягчались. Но в их отдаленном зеркале можно было увидеть сегодняшние глобальные проблемы, хотя бы, скажем, войну в Афганистане.

При праздновании этого юбилея в Германии избегали националистического пафоса, и на трех выставках были представлены разные аспекты тогдашнего столкновения римской цивилизации с варварами: в Хальтерне, где располагался главный римский лагерь, устроили выставку «Империя»; в Калькризе, где находился центр битвы, — «Конфликт»; в Детмольде, где стоит памятник Арминию, — «Миф».

Ангела Меркель, открывая выставки, упомянула, что годовщина битвы совпала с годовщиной крушения Берлинской стены. Но ей не пришлось бы в голову признать Арминием нашего времени, к примеру, офицера пограничной охраны ГДР, который, открывая границу в «Советском лесу», победил коммунистического дракона... Г-жа канцлер не зачитала и никакого актуального послания германских предков к сегодняшним немцам, чтобы те выступали против нового Рима. Наоборот! Она высоко оценила достижения имперской цивилизации. А тогдашний «clash of civilisations» резюмировала замечанием, что после отступления римлян в свои пределы германцы утратили контакт с римской культурой, но отнюдь не цивилизовались. Они остались порозненными и воевали друг с другом. К счастью, — закончила г-жа Меркель, — «мы живем в спокойные времена, хотя мы как германцы не достигли их собственными силами, а нуждались в европейской идее». Поэтому хорошо, что сегодня на месте той битвы устраиваются международные молодежные лагеря. Послание Ангелы Меркель было ясным: следует знать этот фрагмент европейской истории, но на мифе Арминия нельзя строить немецкое сознание на XXI век.

А как обстоят дела с Грюнвальдом? Какой автопортрет воспринимаем сегодня мы в отдаленном зеркале битвы 1410 года? С одной стороны, за те полвека, которые прошли со времени, когда Александр Форд снимал фильм «Крестоносцы», мир, Европа, Германия и Польша перевернулись вверх дном. Польские и немецкие солдаты Еврокорпуса вместе расквартированы в Щецине. А в Силезии польские жители устанавливают мемориальные доски на стенах домов, где родились немецкие писатели XIX века, высказывавшиеся о «польском хозяйстве» [что по-немецки означает бесхозяйственность] так же пренебрежительно, как Сенкевич писал о «казацкой черни». И эти граждане правильно поступают, потому что речь идет о таких незаурядных литераторах, как Йозеф фон Эйхендорф или Густав Фрейтаг. С другой же стороны, и поляков, и литовцев подмывало сделать очередной кино-римейк Грюнвальдской битвы.

Вроде бы вопрос этот прост и прям, как меч крестоносца. Коль скоро люди толпами валят на костюмные боевики — доказательством чего служат «Огнем и мечом», «Гладиатор», «Патриот», — то почему бы этим не воспользоваться? Сто лет назад люди умилялись, рассматривая написанные художниками панорамы великих сражений, сегодня — рассматривая на экране движущиеся картинки гусарской кавалерийской атаки, а вскоре зрители, наверно, станут участвовать в них виртуально. Правда, поляки будут тогда носить в карманах евровалюту и европаспорта, но всё равно испытают прежнее волнение и умиление, слыша слова Ягайлы из «Крестоносцев» Сенкевича: «Нет у нас недостатка в мечах; но я принимаю и эти, как предвозвестие победы...», — и станут ссориться с литовцами о том, кто же на самом деле выиграл ту битву...

Новые «Крестоносцы»?

Не исключено, что всё произойдет иначе. Возможно, следующие поколения отмежуются от литературной матейкиады, взглянут на это событие иначе и снимут своих «Крестоносцев» вопреки комплексам польских классиков, порожденным разделами страны, зато ближе и к исторической, и к психологической правде Центрально-Восточной Европы XV века и к тому, что действительно происходило между Мальборком, Краковом, Вильно, Прагой, Смоленском и Киевом? Будущий пересмотр не изменит фактов. Ягайло не свалится с коня, а Ульрих фон Юнгинген не выиграет битву, но в то же время в XXI веке такой фильм не может свестись к довольно-таки сомнительной идее о том, что достаточно приготовить удачное блюдо из рубленых тел нескольких десятков тысяч мужчин, чтобы решить все историософские дилеммы, а попутно еще и личные проблемы героев и зрителей.

Надежда на пересмотр изображенной Сенкевичем картины «Крестоносцев» существует. Достаточно обратиться к разысканиям польских и немецких историков за последнюю четверть века. Еще в 1978 г. оценка Немецкого дома госпитального ордена Пресвятой Девы Марии в Иерусалиме, прозвучавшая на польско-немецкой конференции по учебникам, позволяла сделать только одно: составить протокол разногласий. Немцы, не приукрашивая фактов, обращали внимание на цивилизационные достижения Тевтонского ордена в бассейне Балтийского моря, а поляки, не злоупотребляя в своих оценках черными красками, указывали на агрессивно

колониальную структуру тевтонского государства, которое вгрызалось в соседние страны и земли. Сегодня польские историки Герард Лабуда и Мариан Бискуп уже и в Германии считаются классиками «прикладного тевтоноведения», а опубликованная — в том числе и по-польски — работа Хартмута Бокмана «Немецкий орден» показала всем, включая нас, что существует еще и вторая, «внутренняя» история Тевтонского ордена: административная, хозяйственно-экономическая, ментальная, религиозная, — которая в обыденном польском сознании оказалась почти полностью вытеснена картиной измен, лжесвидетельств и преступлений крестоносцев.

Пересмотр «Крестоносцев» касается, естественно, не фактов, но ролей, мотивов, психологических особенностей и оценок крупных конфликтов той эпохи, которые — невзирая на столкновение тевтонского государства с польско-литовской унией — шли гораздо глубже, чем история некоего благородного рубаки, спасающего барышню из рук нехороших монахов.

Вот на столе лежат две противоположные литературные легенды о крестоносцах и Грюнвальде (Танненберге). Польскую мы знаем. Злокозненный Тевтонский орден использует наивность Конрада Мазовецкого, фальсифицирует папскую буллу, проводит походы против земель прусов, Литвы и Польши, чтобы истребить их население, создает современное военное государство, управляемое элитой спесивых рыцарей. Коварным обманом орден захватывает в 1308 г. Гданьск и Поморье, затем пытается покорить Литву, которую спас союз и персональная уния с Польшей. Битва под Грюнвальдом — это квинтэссенция извечных борений Польши с Германией. А государство крестоносцев, словно прообраз государства СС, было настолько невыносимым даже для собственных подданных, что прусские сословия попросили польского короля принять над ними верховенство. Невосполнимая и необратимая ошибка польской политики, повторяют ученики вслед за учителями, заключалась в том, что Ягеллоны позволили Гогенцоллернам образовать из вассального государства крестоносцев наследственное княжество, которое в качестве Пруссии стало гвоздем в гроб Речи Посполитой. Второй Грюнвальд — взятие Берлина в 1945 году и присоединение половины бывшей Восточной Пруссии к Польше — раз и навсегда положило конец тевтонству.

Немецкая легенда полностью противоположна. Вот есть скромное госпитальное братство, которое на исходе XII века опекало в Святой земле паломников из Бремена и Любека, построило в течение двухсот лет на бесплодных языческих землях северо-восточной Европы самое современное государство той эпохи, заложило 96 городов, возвело 90 замков, осушило болота и расширило на восток Ганзу — тогдашнюю экономическую общность бассейна Северного и Балтийского морей